

© И.В. Севастьянов

Ученые центра и регионов о проблеме этнического происхождения кряшен

Ключевые слова: кряшены, татары, православие, ислам, этническая история, этногенез, историография

Статья посвящена освещению вопроса этнического формирования кряшен в трудах этнографов как центра (Санкт-Петербург/Ленинград, Москва), так и региональных научных институтов (преимущественно Казань). Взгляды ученых на проблему этногенеза кряшенского этноконфессионального сообщества рассматриваются с историографической точки зрения. Анализируются различные этапы в изучении данного вопроса: от имперского дореволюционного до постсоветского. Кроме того, определенное внимание уделяется теоретическим подходам, на основе которых выстраивалось понимание авторами проблематики этнического происхождения кряшен. Не менее важен и тот временной контекст, в котором создавались те или иные тексты, где затрагивался рассматриваемый в настоящей статье вопрос. Расхождения в анализе этой проблемы между учеными центра и регионов особенно проявились в постсоветский период, когда отечественная этнология обогатилась новыми теориями в области постижения феномена этничности. Свое влияние на расхождения между мнениями ученых центра и регионов оказывали и политические факторы, соответствующие времени и месту.

Вопрос этногенеза и этнической истории кряшен («крещенцев», «старокрещенных татар») относится к малоизученным в отечественной этнографической науке. Сама историография данной проблемы невелика по своему объему. Специалисты, посвящавшие свои работы этнографии кряшен, мало касались этой темы. Гораздо лучше изучены материальная культура, религиозные верования указанной этноконфессиональной группы. По всей видимости, это связано со скудностью письменных источников, которые могли бы быть использованы для исследования этнического происхождения кряшенского народа.

Следует сказать несколько слов о том, что собой представляет кряшенское сообщество как таковое. Наиболее характерная черта кряшен — это сочетание православного вероисповедания (его придерживается подавляющее большинство этнического сообщества) с татарским языком (он является родным

Севастьянов Иван Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Урала и Поволжья ИЭА РАН. e-mail: rushd-al@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-9478-4955>

Для цитирования: И.В. Севастьянов. Ученые центра и регионов о проблеме этнического происхождения кряшен // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 1. С.122-137, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-1/122-137>

для крымцев). Особенно много споров вызывает официальный статус крымцев: ученые Республики Татарстан считают их субэтнической группой в составе татарского народа (или точнее — татар Волго-Камского региона). В то же время заметное количество крымцев, особенно из числа «этнических активистов», не согласны с этой точкой зрения. Они склонны видеть в крымцах особый тюркоязычный народ со своей историей и культурой. Крымцы делятся на ряд локально-этнографических групп, основные из которых — это заказанская, мамадышская, елабужская, восточно-закамская, бакалинская, молькеевская. Из них наиболее выделяется своими историко-культурными особенностями молькеевская группа. Предки их относятся к «новокрещеным инородцам» (т.е. они приняли православие только в XVIII в.), а их материальная культура очень близка к культуре соседних чувашей-анатри. Крымцы остальных групп считаются потомками «старокрещеных татар», принявших крещение в XVI–XVII веках.

На первых этапах накопления отечественной этнографией знаний о крымцах специалисты делали лишь самые общие предположения об их возможных этнических корнях. В определенной степени руку к этому приложили и православные миссионеры, проповедовавшие в крымцевской среде. Были отдельные попытки осмысления этого вопроса и у некоторых известных представителей мусульманского духовенства из числа казанских татар. Между тем, серьезных исследований в области этнической истории или этногенеза крымцев никто из дореволюционных исследователей, насколько мне известно, не проводил. Возможно, дело тут в том, что крымцев тогда мало отделяли от татар вообще, если брать более просвещенные круги, в той или иной степени осведомленные в области историко-этнографических дисциплин. К примеру, сам Н.И. Ильминский считал, что крымцы «в этнографическом отношении те же татары» (*Ильминский* 1895: 32–33). Это во многом касается и образованных крымцев того времени (XIX в.), количество которых тогда было совсем невелико. Так, известный крымцевский просветитель и миссионер Василий Тимофеев в своих воспоминаниях писал о себе как о «старокрещеном татарине» (*Тимофеев* 1887: 10). Другим фактором может быть и просто слабая разработанность проблем этногенеза в тогдашних отечественных исторических науках.

В советское время, несмотря на то, что в 1930-е годы был окончательно утвержден курс на объединение крымцев с «единой» татарской нацией, появились отдельные этнографы, которых привлекла «крымцевская загадка»: откуда и почему в этноязыковом татарском массиве появилась эта своеобразная общность с православным вероисповеданием и довольно специфической материальной культурой? Так ли иначе, этот вопрос был поставлен. Ответы на него, которые попытались дать ученые, будут рассмотрены ниже. Но в целом официально преобладала формулировка, заключающаяся в том, что крымцы «представляют собой памятник великодержавной политики царизма по отношению к татарам». В том или ином варианте она присутствует и у Н.И. Воробьева, и у Ю. Мухаметшина (См. *Воробьев* 1928: 3, *Мухаметшин* 1977).

Более значительное внимание вопросу этнического происхождения крымцев стало уделяться на постсоветском этапе нашей истории. Одним из факторов этого стала подготовка к Всероссийской переписи 2002 года, когда крымцами заинтересовались на федеральном уровне (в том числе и в «головных»

академических учреждениях). Свою роль, конечно, сыграла и перестройка, способствовавшая известной плюрализации высказываемых мнений, а также наступившая в 1990-е годы свобода книгопечатания. Это способствовало появлению в печати ряда работ по крымско-татарской теме с довольно спорным и экстравагантным содержанием. В 2000-е годы на эту проблематику стали обращать внимание специалисты из академических институтов как столицы, так и Республики Татарстан. Мнения их по поводу «крымско-татарского вопроса» в целом и проблемы этногенеза крымчан в частности разошлись. О причинах этих расхождений будет подробнее сказано ниже.

Порядок описания историографии изучения проблемы этнической истории крымчан в освещении исследователей-этнографов центра и регионов будет выглядеть следующим образом: а) работы, появившиеся на первом этапе изучения крымско-татарской тематики отечественными историками, краеведами, этнографами: XIX — начало XX вв.; б) работы советского периода; в) работы, появившиеся уже в постсоветский период в связи с вновь возникшим интересом к «крымско-татарской проблеме» и Всероссийской переписью населения 2002 года, активизацией крымско-татарского движения в Татарстане за этническое самоопределение и т.п.

В изучении этнографии крымчан на первых этапах большую роль сыграли наблюдения православных миссионеров, проповедовавших в их среде. Они оставили немало заметок, где изредка касались и вопроса об истоках формирования этого этноконфессионального сообщества. Миссионерами было опубликовано немало ценных сведений о духовной культуре крымчан, позволяющих также строить определенные предположения об их этническом происхождении и этнокультурных взаимосвязях с другими народами региона. Накопленные представителями Православной миссии наблюдения и зарисовки представляли своего рода предварительный этап в изучении этнографии крымчан в целом и их этнической истории в частности.

Кроме того, определенные попытки выяснить происхождение «старокрещеных» (а также относящихся к «новокрещеным инородцам» предков молькевских крымчан) делались географами из центра Российской Империи (Санкт-Петербург), а также некоторыми публицистами из периферийных регионов.

Досоветский период. Наиболее ранняя попытка выяснить историческое происхождение крымчан, относящихся к молькевской локально-этнографической группе, принадлежит штатному военному и географу А.Ф. Риттиху (1813–1914). В работе «Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Т. 14. Ч. 2» (Риттих 1870) он рассматривает данную группу как мишарскую («мещеряцкую») по своему происхождению, позже принявшую крещение.

Известный киевский публицист Б.М. Юзефович (1843–1911) проводит совершенно четкое различие между «старокрещеными» и «новокрещеными» татарами, у которых, как он подчеркивает, «нет ничего общего», кроме языка и «имени татар». При этом для первых название «старокрещеные» стало названием «племенным», в том числе и в глазах окружающего населения. Несмотря на это, добавляет автор, сами «старокрещеные» склонны причислять себя к татарам. Сам Б.М. Юзефович высказывает мнение об их вероятном

родстве с угро-финскими племенами и вполне допускает факт принадлежности предков «старокрещеных» к язычеству до принятия ими христианства (Юзефович 1883: 19–20).

О предполагаемых финно-угорских корнях кряшен писал также «отец татарской нации», известный мусульманский теолог и просветитель Ш. Марджани (1818–1889). «Финским» происхождением старокрещеных он объяснял их культурные и бытовые отличия от татар-мусульман (Марджани 1865: 166).

Определенная попытка связать вопрос о «языческих», дохристианских, верованиях «старокрещеных татар» с проблемой их происхождения содержится в статье выпускника «крещенско-татарской» школы Семена Максимова «Остатки древних народно-татарских (языческих) верований у нынешних крещеных татар Казанской губернии». В целом картина бытования «языческих» верований у кряшен приводит автора статьи к мысли о слабом и непродолжительном воздействии на них мусульманской религии. Максимов делает предположение о принятии предками кряшен (вероятнее всего это были татары) ислама только в XV в., из-за чего мусульманская религия не успела «впитаться» в их жизненный уклад, и, оставаясь по сути язычниками, они оказались склонны к принятию крещения после завоевания Казани Иваном IV (Максимов 1876: 565–566).

В советское время появляется новая плеяда известных специалистов-этнографов, уделявших в своих трудах определенное место истории и культуре кряшен. Часть из них относилась к региональным школам, как, например, казанский ученый-татаровед Н.И. Воробьев (1894–1967). Были и представители московской школы, в частности, специалист по угро-финским народам Поволжья К.И. Козлова (1922–2015). Некоторое внимание вопросу происхождения кряшен уделил представитель уфимской историко-этнографической школы Р.Г. Кузеев (1929–2005). Напомним, что в 1930-е годы был принят курс на слияние кряшен с «социалистической татарской нацией», и потому вопросы этнографии этой этноконфессиональной группы рассматривались исключительно в контексте изучения татар Волго-Камского региона.

Одним из первых советских исследователей-этнографов, чье внимание привлекла проблема этногенеза кряшен, был уже упомянутый специалист по тюркским народам Поволжья Н.И. Воробьев. Общие сведения об одной из этнографических групп кряшен содержатся в его статье «Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР». В данной работе утверждается, что история кряшен, начиная с формирования их как этноконфессиональной группы в XVI–XVII вв., проходила в условиях культурной изоляции от влияния татар-мусульман, что постепенно привело к формированию у кряшен особого «этнического» самосознания. В то же время, как отмечает автор, кряшены испытали заметное влияние со стороны соседних угро-финских народов, особенно удмуртов (Воробьев 1927: 157–159).

Схожие положения представляет Н.И. Воробьев и в статье «Кряшены и татары (некоторые данные по сравнительной характеристике быта)». В историческом плане кряшены характеризуются им как «памятник русификаторской политики самодержавия по отношению к татарам» (Воробьев 1928: 3). При этом автор склонен считать, что до завоевания Казани некоторые группы по-

волжских (казанских) татар могли вообще не исповедовать ислам, или же очень мало успели проникнуться его влиянием. Приняв в XVI в. крещение, они могли быть предками собственно кряшен (Воробьев 1928: 3–4). Здесь, конечно, можно заметить определенное противоречие: принято считать, что казанские татары сформировались именно как мусульманский народ, причем период завершения этого процесса формирования вызывает много споров как у историков, так и у этнологов. Как бы то ни было, Н.И. Воробьев склонен считать кряшен и татар единым по своему происхождению народом, но при этом он оговаривается, что этого нельзя утверждать категорически. Бытовые различия между кряшенами и татарами, по его мнению, объясняются различными условиями их культурного развития в прошлом.

В «Отчете о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г.» Н.И. Воробьев специально рассматривает вопрос об этническом происхождении молькеевских кряшен. В «отчете» высказывается мысль, что проблема формирования кряшенской этнографической общности (в том числе молькеевских кряшен) чрезвычайно важна в плане изучения этнокультурных процессов на территории Волго-Камского края. Между тем, вопрос о том, являются ли кряшены преимущественно потомками отатаренных чувашей, удмуртов, марийцев, или же они — потомки «каких-то древних татар, лишь сблизившихся с соседями», исследователь оставляет открытым (Воробьев 1928: 102–103).

В 1964 г., в разделе о волго-уральских татарах энциклопедического издания «Народы Европейской части СССР. Т. II» (под общей редакцией В.Н. Белицер), Н.И. Воробьев вновь касается вопроса происхождения кряшен. И здесь исследователь предпочитает вести его от некоторых групп татароязычного населения, никогда не исповедовавших ислам, что, в свою очередь, способствовало успешному распространению среди них православия (Народы Европейской части... 1964: 636–639).

Отдельным сторонам проблемы формирования кряшенской этнической общности уделено место в монографии московского физического антрополога Т.А. Трофимовой (1905–1986) «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии» (Трофимова 1949). Главный вывод работы Т.А. Трофимовой заключается в том, что по своему фенотипу чистопольские и елабужские кряшены заметно отличаются от татар-мусульман, если смотреть в целом. При этом автор прослеживает факт заметного антропологического сходства кряшен с соседним угро-финским и, отчасти, русским населением (преобладание светлоокрашенных европеоидных типажей у ряда кряшенских локально-этнографических групп и т.п.). Отмечается, что, например, елабужские кряшены особенно близки в этом отношении к южным удмуртам. Вышеназванные различия внутри единой казанско-татарской языковой общности, как поясняет исследователь, не могут объясняться только разницей в вероисповедании или в этнографии кряшен и татар (Трофимова 1949: 234–240).

Большой интерес в плане изучения традиционной культуры, а также (косвенно) этнического формирования кряшенского народа представляет собой монография казанского филолога-языковеда Ф.С. Баязитовой (р. 1942) «Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении» (Баязитова 1986). В монографии делается предположение, что формирование заказанской локально-

этнографической группы кряшен может быть связано с некоторыми болгарскими племенами (*берсула, темтюзи*), из чего делается вывод об особой «древности» данной группы кряшен (*Баязитова* 1986: 17).

Некоторые общие вопросы кряшенской этнографии затрагиваются в учебном пособии «Этнография народов Поволжья», написанном известным московским специалистом по народам Урало-Поволжской историко-культурной области К.И. Козловой (*Козлова* 1964). Вопрос о происхождении кряшен, по ее мнению, «до сих пор» остается невыясненным (*Козлова* 1964: 123).

Стоит добавить, что личное мнение Клавдии Ивановны Козловой по вопросу о «происхождении кряшен», насколько я знаю, отличалось от ряда других известных ныне гипотез. Во время учебы в МГУ на кафедре этнологии я посещал семинары, которые вела К.И. Козлова. Во время этих семинарских занятий она много рассказывала об этнографии народов Среднего Поволжья: марийцев, мордвы. На одном из семинаров зашла речь и о кряшенях. По утверждению Клавдии Ивановны, кряшены по большей части являются потомками русских «полоняников», пленных, которых ордынцы и казанские татары селили у себя, чтобы те возделывали землю и вообще трудились на местную власть. А после взятия Казани Иваном Грозным эти потомки русских пленных, якобы, «тут же вернулись» в привычную для них православную веру. Кроме того, она указывала на преобладание у кряшен светлого европеоидного типа, присутствие в их традиции многоголосного пения и некоторые другие вещи. Козлова также приводила и довод о крайней редкости случаев перехода верующих мусульман в какую-либо другую религию. К примеру, «новокрещеные татары», которые в XVIII в. были разными правдами и неправдами обращены в православие, при первом же удобном случае тут же возвращались в ислам. В то же время, по словам Клавдии Ивановны, потомки русских «полоняников» успели воспринять от населения Казанского ханства много культурных черт: татарский язык, некоторые особенности костюма и т.д.

Конечно, следует признать, что в свете многих современных данных по этнографии и этнической истории кряшенского этнического сообщества вышеприведенная теория К.И. Козловой вряд ли может считаться убедительной, но она заслуживает определенного интереса, поскольку указывает на те специфические особенности формирования историко-культурного облика кряшен, на которые мало обращали внимание специалисты. К тому же русско-славянский компонент прослеживается в истории складывания общности «старокрещеных татар» — предков кряшен.

Постсоветский период, ознаменованный коренными изменениями социально-политического, экономического и идеологического порядка, не мог не привести к кардинальным изменениям в плоскости институционализации научной сферы и, соответственно, деятельности как научных коллективов, так и отдельных ученых. Исчезновение железного занавеса и наступившая идеологическая неопределенность способствовали обогащению отечественной этнологии новыми методологическими парадигмами, преимущественно западного извода. В особенности эти изменения коснулись столичных научных школ, оказавшихся более открытыми к переменам в рамках наметившихся парадигмальных сдвигов и трансформаций. Так, в частности, в московской

научной среде появились ученые, придерживающиеся конструктивистских подходов к феномену этничности, что определило их разрыв с советской теорией этноса, созданной прежним главой Института этнографии (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) Ю.В. Бромлеем.

Между тем, этнографы из регионов, как будет показано ниже, во многом оставались в методологических рамках старых советских теорий. К этому добавился фактор новых идеологических веяний, характерных для многих «национальных» республик постсоветской России. В новом идеологическом контексте развивалась ситуация в Республике Татарстан, истеблишмент которой был озабочен вопросами собственного «нациестроительства» и перспективами своей национальной политики. Между тем, в кряшенском движении за этническое самоопределение, которое стало все больше заявлять о себе уже с начала 1990-х годов, не все выражали согласие с отдельными аспектами той «генеральной линии» национальной политики, которую стремилось проводить политическое руководство РТ. В наибольшей степени эти расхождения выразились в коллизиях по поводу «кряшенского вопроса», наблюдавшихся при подготовке к проведению Всероссийской переписи населения 2002 г.

Видный уфимский специалист по исторической этнографии Волго-Камского региона Р.Г. Кузеев склонен рассматривать кряшенскую этноконфессиональную «ЭГ» (этническую группу) как возникшую в результате обращения татар-мусульман в христианство в XVI–XVIII вв. (Кузеев 1992: 263). По его мнению, если западные группы кряшен «вобрали» в свой состав христианизированных угро-финнов и чувашей, то восточные группы включили потомков крещеных башкир, калмыков, астраханских и сибирских татар, выходцев из Средней Азии (Кузеев 1992: 265).

Некоторые проблемы формирования этнического облика одной из наиболее своеобразных по своему культурному облику локальных групп кряшенской общности рассматриваются в изданной казанскими учеными коллективной монографии «Молькеевские кряшены». В статье, принадлежащей перу ответственного редактора монографии — известного специалиста-татароведа Д.М. Исакова (р. 1951) «Молькеевские кряшены: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII — начале XX вв.», исследуется происхождение и характер этнических компонентов, составивших группу молькеевских кряшен. Как указывает автор, в прошлом для молькеевских кряшен (или, вернее, их предков) было характерно довольно размытое этническое самосознание: часть из них называла себя «чувашами», часть — просто «крещеными». С другой стороны, подчеркивается, что в настоящее время молькеевские кряшены являются частью татарской этнической общности (Молькеевские кряшены 1993: 4–16).

По мнению авторов монографии, история формирования молькеевских кряшен в значительной степени отличается от истории формирования других этнографических групп кряшен. Наиболее существенным моментом здесь является то, что местное население, в отличие от «старокрещеных» кряшен, приняло христианство только в XVIII в., до того времени в основном придерживаясь ислама или находясь под сильным его влиянием, что сохранилось и в народной памяти (Молькеевские кряшены 1993: 5).

Между тем, усилившийся к началу Всероссийской переписи населения 2002 г. интерес специалистов к этнографии и истории кряшен способствовал активизации исследовательской деятельности в этом направлении и в среде самих представителей кряшенской интеллигенции. Так, в 2000 г. в Казани состоялась научно-практическая конференция на тему «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». Материалы конференции были опубликованы в виде отдельного сборника (Материалы научной конференции... 2001). Особо следует отметить здесь доклад казанского исследователя-фольклориста и музыковеда Г.М. Макарова (р. 1953) «Перспективы развития традиционной культуры кряшен в современных условиях». Касаясь вопроса об истории формирования кряшенской общности, Макаров считает, что, нет достаточных оснований видеть в кряшенах прямых потомков тюрок-христиан Булгарского ханства и Золотой Орды. Начало истории кряшен, по всей видимости, начинается с крещения части тюркоязычного населения Казанского ханства в XVI в. Среди предков современных кряшен могли быть и мусульмане (Макаров 2001: 23).

Вопроса о происхождении кряшен и их современной этноконфессиональной идентичности в статье научно-популярного характера «Кто такие кряшены?» в журнале «Азия и Африка сегодня» касается сотрудник Института востоковедения РАН (Москва) А.И. Иванов. Он склонен рассматривать кряшен скорее как отдельный от татар народ, отличающийся, по его мнению, высоким уровнем внутригрупповой этнической консолидации (Иванов 2004: 50). Подчеркивается, что для кряшен особенно важна их религиозная идентичность. Кроме того, высказывается сомнение в насильственном крещении предков нынешних кряшен. Вопрос об этнических предках кряшенского народа автор оставляет открытым, указывая, что ни «крещеные», ни «новокрещеные» татары никогда не именовали себя кряшенами.

Мнения, близкого к точке зрения А.И. Иванова, придерживается и чебоксарский историк Л. Таймасов (р. 1956), современный специалист по народам Волго-Уральского региона. В своей статье «Этноконфессиональная ситуация в Казанской губернии накануне буржуазных реформ» (раздел «Крещеные татары») он приводит две версии, аналогичные вышеприведенным версиям Н.И. Воробьева, а также А. Иванова. Мнение, согласно которому кряшены («старокрещеные татары») — успевшие забыть ислам татары, данный автор считает несостоятельным (Таймасов 2003: 129).

Как пример монографии, написанной с конструктивистских позиций, можно привести работу московского этнолога С.В. Соколовского (1954 г.р.) «Кряшены во всероссийской переписи населения 2002 года» (Соколовский 2004). В монографии рассматриваются такие проблемы как общетеоретические основания классификации этнических, этноконфессиональных, локально-этнографических, локально-диалектных групп; соотношение теорий этногенеза и этнического самосознания; политическая институализация этничности; особенности научного дискурса в условиях постсоветской действительности. В контексте всей вышеперечисленной проблематики в монографии рассматривается сама «кряшенская проблема», наиболее выпукло проявившаяся во время переписи населения, и проблема этнической идентичности собственно кряшен как народа.

В монографии прослеживается отказ от жесткой теоретической (а отчасти и «административной») привязки отдельных этнографических (этноконфессиональных) групп к более крупным этническим сообществам и делается упор скорее на самоидентификацию представителей подобных групп. В частности, вопрос о национальном самоопределении крымских татар рассматривается автором с позиций их собственного выбора в пользу особой, «крымской» идентичности. Приводятся факты исторической оправданности такого самоопределения; в частности, упоминается перепись населения СССР 1926 года, когда крымские татары были учтены в качестве отдельной категории (*Соколовский* 2004: 61–68).

Кроме того, автор критикует научный (и паранаучный) дискурс вокруг крымской проблемы в Татарстане. В целом дискуссии по этой проблеме прежде всего отражают противодействие различных групп влияния, действующих в пользу отстаивания своих интересов здесь и сейчас. С одной стороны, налицо использование определенных (довольно однобоких) аргументов представителями республиканской элиты в политических целях, с другой — нарочитое стремление некоторых активистов крымского движения к созданию этнополитических мифов, неправомерно удревняющих историю крымских татар (*Соколовский* 2004: 14–17). Таким образом, автор рассматривает формирование этнической идентичности крымских татар, а также научный и общественный дискурс, сложившийся вокруг вопроса об их самоопределении, с позиций конструктивистской теории, сравнительно недавно получившей распространение в отечественной этнологической науке.

Своего рода итоговым на настоящий момент научным трудом, претендующим на всеохватное описание традиционной культуры и этнической истории крымских татар, можно считать коллективную монографию, подготовленную научным коллективом отдела крымского краеведения при казанском Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан «История и культура татар-крымских татар. XVI–XX вв.» (2017). В монографии подробно рассмотрены этапы этнической истории крымских татар, много говорится о миссионерской деятельности в их среде, излагаются особенности дохристианских («языческих») верований «крещенцев», традиционных крымских праздников; есть раздел, посвященный устройству крымской сельской общины дореволюционного периода, а также раздел о народной музыкальной культуре крымских татар.

Касаясь остродискуссионного и весьма политизированного вопроса о происхождении и этнической истории крымских татар, авторы монографии, опираясь на данные оригинальных исторических источников (прежде всего — письменных) приходят к выводу, что основными предками крымских татар следует считать «служилых татар» и отчасти ногайцев, принявших крещение вскоре после покорения Казанского ханства Иваном IV. Гипотезы о происхождении крымских татар от древних тюрок-несториан или болгарских средневековых христиан признаются в данном случае неподтвержденными и не имеющими под собой научно обоснованных доказательств (*История и культура... 2017: 190–191*). Впрочем, признается изначальная этническая разнородность сообщества «новокрещенов» XVI в., из которого и сформировались крымские татары в качестве особой этноконфессиональной группы. Характерно, что в монографии не муссируется и не эксплуатируется во многом политизированный тезис о «насильственном крещении» предков крымских татар «московскими завоевателями». Напротив, признается преимущественно мирный характер принятия православия частью

татароязычного населения Казанского ханства в XVI–XVII вв. Если конкретнее, той его частью, которая не была еще укоренена в исламе, а придерживалась по преимуществу языческих верований. Кроме того, подчеркивается, что на их выбор веры не могло не повлиять изменение общей конъюнктуры после смены политической власти в этом регионе (История и культура... 2017: 196–197).

Есть и примеры попыток историко-этнографического изучения кряшен региональными (преимущественно татарстанскими) энтузиастами-краеведами и общественными активистами, не принадлежащими к числу профессиональных этнологов или историков. Одним из первых среди такого рода исследователей-энтузиастов, начавших публиковать свои сочинения на тему кряшеноведения еще в «перестроечные» времена, был казанский журналист М.С. Глухов (Ногайбек) (1937–2003). Исторические факты в его публикациях причудливо переплетаются с различными вымыслами, порожденными богатой фантазией автора (см. *Глухов-Ногайбек* 1993). К примеру, предками кряшен объявляются кераиты (тюркский или, возможно, монгольский народ, упоминаемый в средневековых источниках), якобы мигрировавший из Центральной Азии на берега Волги в XIII в. вместе с монгольскими завоевателями и осевший там. Известно, что кераиты были христианами несторианского толка (*Хоïт* 2008), что вроде бы дает Глухову повод соотносить их с предками кряшен. Между тем, пока нет ни одного реального исторического свидетельства или этнографической «зацепки», позволяющей как-то связывать происхождение кряшен с этим средневековым племенем. Стремясь показать мнимую или реальную связь кряшенского народа с кераитами, ногаями, автор пытается сконструировать новую, «престижную» версию истории интересующей его этноконфессиональной группы. Ради этого «находятся» древние христианские корни в этнической родословной кряшен. Таким образом, мы видим здесь все признаки современного этнического мифа, создаваемого в контексте современных культурных или, возможно, этнополитических потребностей и берущегося на вооружение деятелями национального движения. Не может не удивлять и настойчивое стремление автора опровергнуть факт исторического существования общности волжских булгар. Подобного рода курьезных мест в книгах Глухова можно найти немало.

Между тем, его сочинения и некоторые содержащиеся в них утверждения по вопросам этнической истории кряшен и их возможных предков, судя по всему, пользуются определенной популярностью среди читающей части населения с «крещенскими» этническими корнями. В память Глухова по инициативе активистов кряшенского движения в Республике Татарстан время от времени собираются тематические конференции по тем или иным аспектам кряшеноведения. Так, например, 23 ноября 2012 г. в Казани состоялась третья по счету публичные чтения на тему «Национальное самоопределение кряшен: история и современность», приуроченные к 75-летию Глухова. В то же время среди специалистов-историков и этнологов преобладает критическое отношение к этногенетическим изысканиям в области тюркологии, изложенным в сочинениях Глухова, которые сам автор характеризовал как опыт «неформального подхода к еще ненаписанным страницам истории» (*Глухов-Ногайбек* 1993).

Вполне резонно рассматривать подобные околосторические изыскания в качестве своеобразного источника по формированию современной этнокуль-

турной идентичности кряшен, изменяющейся в условиях модернизированного общества, где существует всеобщая грамотность. На примере подобной параисторической литературы можно проследить складывание особого этнополитического мифа, основывающегося на собственной версии этногенеза того или иного народа. В отечественной этнологической науке исследования современных этнополитических мифов предпринималось уже на страницах не одной монографии (см. Шнирельман 2004, 2006).

Среди современных региональных публицистов, время от времени выступающих в республиканской, преимущественно малотиражной, печати по актуальным вопросам этнического самоопределения кряшен и их современного развития как народа, особого упоминания заслуживает А.В. Фокин (1938–2023). Он был одним из наиболее известных активистов кряшенского движения в Республике Татарстан, ратовавших за культурную и национальную самобытность своего народа. В недавно вышедшем сборнике с говорящим названием «Кряшены — судьба моя: Эпизоды истории, теории и практики национального движения кряшен» (Фокин 2013) были опубликованы статьи, заметки Фокина и интервью с ним. Надо сказать, что по вопросу о предполагаемых предках кряшен Фокин высказывается достаточно осторожно и в принципе не прибегает к каким-либо категорическим суждениям. В то же время исследователь-публицист всячески отстаивает идею этнокультурной самобытности данного народа, который некоторые деятели республиканской науки несправедливо, по его мнению, определяют в качестве «субэтноса» казанских татар. На страницах своей книги Фокин постоянно указывает на политико-идеологическую ангажированность подобного взгляда. Об этом свидетельствует и сугубо положительная оценка миссионерской деятельности Н.И. Ильминского, которая, как неоднократно подчеркивается автором, во многом способствовала формированию кряшен как устойчивой этноконфессиональной группы со своей «национальной» интеллигенцией.

К исследователям-энтузиастам также следует отнести и татарстанского краеведа Н.И. Петрова-Текина, занимавшегося изучением этнических корней кряшен примёшинской локальной группы (регион Заказанья) на основе ревизских документов XVII в. Его изыскания в области происхождения местных кряшенских фамилий и отдельных населенных пунктов нынешнего Пестречинского района РТ позволяют сделать определенные выводы об этнической характеристике основателей (речь идет о конце XVI — начале XVII вв.) местных «крещенских» родословных. Так, согласно приводимым им данным ревизских книг, основателями здешних кряшенских сел были «служилые татары» и «служилые новокрещены» (Петров-Текин 2016: 17). В целом изучение ревизских документов соответствующего времени следует считать перспективным полем для изучения ранних этапов этнической истории кряшен.

В завершении статьи можно сделать вывод, что у специалистов (как региональных, так и столичных) нет единого взгляда на процесс формирования кряшенской общности, а также устоявшейся характеристики основных компонентов, из которых она сложилась. Следует отметить, что в этих исследованиях не сложилось какой-либо преемственности, они отличались спорадичностью и известной фрагментарностью. Возможно, тут сказалось то, что кряшен изучали исключительно в контексте татарской этнографии по причинам, о которых уже говорилось выше. В постсоветскую эпоху, когда «кряшенский

вопрос» вышел в публичную сферу и заявил о себе в федеральном масштабе, снова в научном (как и в околонучном) сообществе проявились расхождения в трактовке данной проблемы. Во многом это было связано с политизированностью «крышенского вопроса» в Республике Татарстан, что отражается в идеологической составляющей многих научных работ региональных ученых. С другой стороны, попытки отдельных местных активистов изучать эту проблему грешат тенденциозностью обратного рода: в них проявляется желание по сути «создать» «славное прошлое» своего народа, безосновательно удревнив его происхождение. Все это делается на основе крайне зыбких доказательств, без привлечения сколько-нибудь строгой научной методологии. В свою очередь, институционализованные историки и этнографы регионов, видимо, мало обращаются к ведущим работам зарубежных коллег-этнологов, придерживающихся конструктивистской парадигмы.

Кроме того, есть объективные трудности, связанные с самой спецификой объекта интересующих нас научных изысканий. Этнографы в большей степени уделяли внимание отдельным группам крымского населения, а не рассматривали объект в целостности. Причина возникавших при этом разночтений в толковании вопроса об этническом происхождении крымцев, по всей видимости, кроется в различиях формирования локально-этнографических групп данного сообщества, испытавших различные культурные влияния, обусловленные этнокультурными и историческими особенностями районов их расселения.

Источники

Глухов-Ногайбек М. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Казань: Ватан, 1993.

Тимофеев В. Т. Мое воспитание (рассказ старокрещеного татарина) // Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1887.

Ильминский Н. И. Письма Н. И. Ильминского. Казань, Ред. «Православного собеседника», 1895, 414 с.

Литература

Баязитова Ф. С. Говоры татар-крымцев в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986.

Воробьев Н. И. Некоторые данные по быту крещеных татар (крымцев) Челнинского кантона ТССР // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 7. С. 157–173.

Воробьев Н. И. Крымцы и татары (некоторые данные по сравнительной характеристике быта) // Труд и хозяйство. 1928. № 5. 12 с. Отд. оттиск.

Воробьев Н. И. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. // Вестник татароведения. 1928. № 8. С. 100–111.

Иванов А. И. Кто такие крымцы? // Азия и Африка сегодня. № 12. 2004. С. 49–55.

История и культура татар-крымцев: XVI–XX вв. / отв. ред. Р.Р. Исаков, Р.С. Хакимов. Казань: Издательство Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2017.

- Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1964.
- Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992.
- Макаров Г. М.* Перспективы развития традиционной культуры кряшен в современных условиях // Материалы научно-практической конференции на тему «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». Казань, 2001. С. 22–34.
- Марджани Ш.* Избранные произведения. Казань, 1965.
- Максимов С.* Остатки древних народно-татарских (языческих) верований у нынешних крещеных татар Казанской губернии // Известия по Казанской епархии. 1876. № 19. С. 565–583; 1876. № 20. С. 607–620.
- Материалы научной конференции на тему «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». Казань, 2001.
- Молькеевские кряшены: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII — начале XX вв. / отв. ред. Д.М. Исхаков. Казань, 1993.
- Народы Европейской части СССР. Т. II. / отв. ред. В.Н. Белицер, Н.И. Воробьев, Л.Н. Терентьева, Н.Н. Чебоксаров. М.: Наука. 1964.
- Петров-Текин Н. И.* К вопросу о происхождении кряшен Предкамья и Восточно-Камского региона Республики Татарстан // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 13–37.
- Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870. Т. 14. Ч. 2.
- Соколовский С. В.* Кряшены во всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004.
- Таймасов Л.* Этноконфессиональная ситуация в Казанской губернии накануне буржуазных реформ // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Сарго, 2003. С. 106–136.
- Трофимова Т. А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Труды Института этнографии. Новая серия. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. Т. XII.
- Фокин А. В.* Кряшены — судьба моя: Эпизоды истории, теории и практики кряшенского национального движения. Казань: Типограф. «Интерпресс+», 2013.
- Хойт С. К.* Керейты в этногенезе народов Евразии. Историография проблемы. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2008.
- Шнирельман В. А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Шнирельман В. А.* Интеллектуальные лабиринты: Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004.

Юзефович Б. М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России. СПб.: тип. А. Траншеля, 1883.

Research article

Sevastianov I. V. Uchenye centra i regionov o probleme proiskhozhdenia kriashen [Scientists of the center and regions about the problem of the ethnogenesis of the Kryashen] *Anthropologies*, 2025, no 1, pp. 122-137, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-1/122-137>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sevastianov I. V. | rushd-al@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0002-9478-4955> |
Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

The article is devoted to the issue of the ethnic formation of the Kryashens in the works of ethnographers of the center (St. Petersburg (Leningrad), Moscow) and regional scientific institutes (mainly Kazan). The various views of scientists of the above-mentioned schools on the problem of the ethnogenesis of the Kryashen ethno-confessional community from a historiographical point of view are considered. Various stages in the study of this issue are analyzed: from the imperial pre-revolutionary to the post-Soviet. In addition, some attention is paid to the theoretical approaches based on which the authors built their understanding of the problem of the ethnic origin of the Kryashens. No less important is the temporal context in which certain texts were created, where the issue considered in this article was addressed. Especially discrepancies in the analysis of this problem between scientists of the center and the regions appeared in the post-Soviet period, when Russian ethnology was enriched with new theories in the field of understanding the phenomenon of ethnicity. Political factors, corresponding to time and place, also had an influence on the differences in opinion between scientists from the center and the regions.

Keywords: Kryashens, Tatars, Orthodoxy, Islam, ethnic history, ethnogenesis, historiography.

References

- Baiazitova, F. S. 1986. *Govory tatar-kryashen v sravnitel'nom osveshchenii* [The dialects of the Kryashen Tatars in comparative coverage]. M.: Nauka.
- Belicer, V. N., Vorob'ev, N. I., Terent'eva, L. N., Cheboksarov, N. N., eds. 1964. *Narody Evropeiskoi chasti SSSR* [The peoples of the European part of the USSR], 2. M. Nauka.
- Fokin, A. V. 2013. *Kriasheny — sud'ba moia: Epizody istorii, teorii i praktiki kriashenskogo nacional'nogo dvizhenia* [Kryashen — My Destiny: Episodes of the history, Theory and practice of the Kryashen national movement]. Kazan': Tipogr. Interpress+.
- Hoit, S. K. 2008. *Kereity v etnogeneze narodov Evrazii. Istoriografiia problemy* [The Kereites in the ethnogenesis of the peoples of Eurasia. Historiography of the problem]. Elista: Izdvo Kalmyckogo universiteta.

- Iskhakov, D. M. (ed.). 1993. *Mol'keevskie kryasheny: problema formirovaniia i demograficheskoe razvitie v 18 — nachale 20 vv.* [Molkeevsky kryashens: the problem of formation and demographic development in the 18 — early 20 centuries]. Kazan'.
- Iskhakov, R. R., Hakimov, R. S., eds. 2017. *Istoriia i kul'tura tatar-kriashen: 16–20 vv.* [History and culture of the Kryashen Tatars: 16–20 centuries.]. Kazan': Izdatel'stvo Instituta istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
- Ivanov, A. I. 2004. Kto takie kriasheny? [Who are the Kryashens?]. *Aziia i Afrika segodnia*, 12: 49–55.
- Iuzefovich, B. M. 1883. *Khristianstvo, magometanstvo i iazychestvo v vostochnykh guberniiakh Rossii* [Christianity, Mohammedanism and Paganism in the Eastern provinces of Russia]. SPb.: tip. A. Transhelia.
- Kozlova, K. I. 1964. *Etnografiia narodov Povolzh'ia. Uchebnoe posobie* [Ethnography of the peoples of the Volga region. Training manual]. M.: Izd-vo MGU.
- Kuzeev, R.G. 1992. *Narody Srednego Povolzh'ia i Iuzhnogo Urala: Etnogeneticheskii vzgliad na istoriiu* [The peoples of the Middle Volga region and the Southern Urals: An ethnogenetic view of history]. M.: Nauka.
- Makarov, G. M. 2001. Perspektivy razvitiia tradicionnoi kul'tury kryashen v sovremennykh usloviakh [Prospects for the development of the traditional Kryashen culture in modern conditions]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii na temu «Etnicheskie i konfessional'nye tradicii kriashen: istoriia i sovremennost'»*. Kazan': 22–34.
- Maksimov, S. 1876. Ostatki drevnikh narodno-tatarskikh (iazycheskikh) verovaniu u nyneshnikh kreshchenykh tatar Kazanskoii gubernii [Remainders of ancient folk (pagan) Tatar beliefs among the current baptized Tatars of Kazan province]. *Izvestiia po Kazanskoii eparkhii*, 19: 565–583; 20: 607–620.
- Mardzhani, Sh. 1965. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Kazan'.
- Materialy nauchnoi konferencii na temu «Etnicheskie i konfessional'nye tradicii kriashen: istoriia i sovremennost'». [Materials of the scientific conference on «Ethnic and confessional traditions of the Kryashens: history and modernity»]. 2001. Kazan'.
- Petrov-Tekin, N. I. 2016. K voprosu o proiskhozhdenii kriashen Predkam'ia i Vostochno-Kamskogo regiona Respubliki Tatarstan [On the question of the origin of the Kryashens of the Pre-Kama region and the East Kama region of the Republic of Tatarstan]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie*, 2: 13–37.
- Rittikh, A. F. 1870. *Materialy dlia etnografii Rossii. Kazanskaia guberniia* [Materials for the ethnography of Russia. Kazan province], 14, 2. Kazan'.
- Shnirelman, V. A. 2004. *Intellektual'nye labirinty: Ocherki ideologii v sovremennoi Rossii* [Intellectual Labyrinths: Essays on Ideologies in Modern Russia]. M.: Academia.
- Shnirelman, V. A. 2006. *Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v 20 v.* [To be Alans. Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Sokolovskiy, S. V. 2004. *Kriasheny vo vs Rossiiskoi perepisi naseleniia 2002 goda* [Kryashens in the All-Russian population census of 2002]. M.
- Taimasov, L. 2003. Etnokonfessional'naia situatsiia v Kazanskoii gubernii nakanune burzhuznykh reform [The ethno-confessional situation in Kazan province on the eve of bourgeois reforms]. *Novaia volna v izuchenii etnopoliticheskoi istorii Volgo-Ural'skogo regiona*. Sapporo: 106–136.
- Trofimova, T. A. 1949. Etnogenez tatar Povolzh'ia v svete dannykh antropologii [Ethnogenesis of the Volga Tatars in the coverage of anthropological data]. *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriia*, 12. M., L.: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Vorobyov, N. I. 1927. Nekotorye dannye po bytu kreshchenykh tatar (kryashen) Chelninskogo kantona TASSR [Some data on the life of baptized Tatars (Kryashen) of Naberezhnye Chelny canton of the TASSR]. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia*, 7: 157–173.
- Vorobyov, N. I. 1928. Kriasheny i tatory (nekotorye dannye po sravnitel'noi kharakteristike byta) [Kryashens and Tatars (some data on the comparative characteristics of everyday life)]. // *Trud i khoziaistvo*, 5. Separate impression.
- Vorobyov, N.I. 1928. Otchet o poezdke s etnograficheskoi seliu v Sviiazhskii i Tetiushskii kantony TSSR letom 1927 g. [An account of an ethnographic trip to the Sviyazhsky and Tetyushsky cantons of the TSR in the summer of 1927.]. *Vestnik tatarovedeniia*, 8: 100–111.

